

Самъ посуди, Назаръ Назарычъ: всѣ знаютъ, какіе мы съ нимъ были благопріятели! Кажись, отъ него, кромѣ добра, мнѣ и ждать было нечего!... А вотъ поди-же. Видалъ ты у меня підсвинка? Да какъ-же! Видалъ! Еще приставалъ тогда ко мнѣ: «подари, да подари»!... Такъ вотъ этотъ самый підсвинокъ... — Тутъ Андрей обстоятельно изложилъ все дѣло, при чемъ строго придерживался способовъ выраженія Параски. Тутъ было упомянуто о катастрофѣ съ подсвинкомъ и о великомъ днѣ безъ свинины, и о знаменитомъ гусахѣ и о разбитой шибкѣ и, наконецъ, о позорящихъ доброе имя его слухахъ.

Когда Андрей, наконецъ, изложилъ всѣ обстоятельства дѣла, лицо писаря приняло болѣе или менѣе добропорядочный видъ.

— Такъ ты, значить, съ жалобой?— спросилъ писарь, все еще не довѣряя своимъ ушамъ.

— Непремѣнно!... Потому этакъ отъ него житья не будетъ. Самъ посуди: підсвинка испортили, гусака искалчили, стекла разбили и по селу еще опорочиваютъ.

— Такъ, такъ! Это вѣрно, Андрей Семенычъ! Надо его присудить!— уже совсѣмъ просто и спокойно замѣтилъ Елпидифоровъ. Но въ его маленькихъ глазкахъ безпокойно забѣгала какая-то мысль, которая, повидимому, только-что блеснула въ его головѣ. — Только ты уже обычай знаешь?...

— Какой обычай, Назаръ Назарычъ?...

— Какъ какой?... Извѣстно! Спрыснуть! Безъ этого невозможно!...

— Что-жь!... Я того!... Это можно! Отчего не спрыснуть! Это я готовъ! — отвѣчалъ Андрей, но по тону, какимъ онъ сказалъ это, можно было заключить, что это далеко не входило въ его расчеты.

— И прелотлично!... Такъ мы сейчасъ и пойдемъ!...

— Куда?

— Тьфу! Еще спрашиваетъ, куда! Ужь не на кладбище-же люди ходятъ за этимъ! Въ кабакъ — извѣстно!... Тамъ теперь всѣ судьи въ сборѣ, я знаю! ха! ха!

Андрей предобросовѣстно чесалъ свой затылокъ. Вотъ это ужъ было совсѣмъ неожиданно! Писаря угостить, это еще — куда ни шло. Но напоить весь судъ въ полномъ составѣ, это уже не тѣмъ пахнетъ. Народъ все это здорово пьющій, не даромъ-же ихъ и въ судьи выбрали; тутъ четвертой не отдѣлаешь ся. Ужь онъ пожалѣлъ былъ, что послушался Параски.

— Ну, что-жь такъ сидѣть-то? уже вонъ и солнце заходитъ!... — поощрилъ его Назаръ Назарычъ и, чтобъ подать добрый при-